

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации **Ждановой Лии Искандеровны**
«Писатель Джон Стейнбек и СССР»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических
наук по специальности 10.01.03. – Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Диссертация Лии Искандеровны Ждановой необычна для специальности «Литература народов стран зарубежья» по нескольким параметрам. Во-первых, работа строится на архивных материалах – сама тема предполагает доступ исследователя к архивам, чего, как правило, наши зарубежники лишены в своей работе. В диссертации Л.И. Ждановой использованы документы из фондов РГАЛИ и ГА РФ, относящиеся к деятельности разнообразных советских институтов «идеологического фронта» – Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, Иностранной комиссии Союза писателей, Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром, редакций газет и журналов, задействованы отдельные документы из личных фондов советских писателей. Эта погруженность в архивные материалы позволяет воспроизвести в диссертации аутентичный «дух времени», является несомненным достоинством работы. Запросы, справки и рецензии внутреннего характера, особенно в 1 и 2 главах диссертации, создают особый сюжет, на фоне которого глубже воспринимается анализ публикаций о Джоне Стейнбеке в открытых источниках – в советской прессе и отечественной американистике, лучше понимаются те или иные реакции писателя на его соприкосновения с советской действительностью. Во-вторых, структура работы определяется не той или иной периодизацией собственно творчества Стейнбека, а этапами политической истории XX века. В-третьих, анализ художественных текстов Стейнбека в диссертации сведен к необходимому минимуму, а основное внимание уделяется биографическим обстоятельствам его контактов с СССР, переписке и публицистике, что закономерно в работе, где ставится задача рассмотрения культурно-исторического текста особого рода – взаимоотношений Стейнбека с СССР. Это текст, в котором Стейнбек выступает одним из создателей, а вторую сторону диалога представляет советская идеологическая машина.

Отличительная черта диссертации видится в таком изложении материала, при котором цитируемые тексты говорят сами за себя – с одной стороны, эту объективизирующую манеру следует одобрить как исследовательскую страховку от субъективизма, но с другой стороны, этот принцип создает впечатление сдержанности авторских суждений оценочного характера, иногда заставляет строить догадки о позиции автора диссертации. Благодаря простому, ясному стилю диссертация читается легко, она компактна и четко структурирована.

Современный этап изучения идеологических битв советской эпохи был открыт в отечественной истории и филологии в 1990-е гг., и с каждым годом это исследовательское поле расширяется. Нынешний виток отечественной истории все больше актуализирует отдельные стороны советского прошлого, в частности, попытку свести роль художественной литературы к обслуживанию идеологии. В работах ряда отечественных (А.В. Голубев, Г.В. Куликова, ряд диссертаций о деятельности ВОКС) и западных историков культуры, историков идей разобраны установки и методы советского «культурного наступления»; становится все более очевидной правота Стейнбека, когда он писал об омертвляющем влиянии коммунистической идеологии на творчество. Жизнь и творчество Стейнбека является содержательным и исследовательски выигрышным примером для детального анализа механизма взаимоотношений советской пропагандистской машины с крупным западным писателем, что обеспечивает **актуальность** диссертации.

Ее **научная новизна и оригинальность** состоит в весьма трудозатратном розыске и введении в научный оборот комплекса архивных материалов, относящихся к рецепции фигуры Стейнбека в СССР, в конкретизации на примере Стейнбека методов работы так называемой советской «культурной дипломатии» с выдающимися писателями Запада, в выявлении эволюции взглядов Стейнбека на СССР как суммы мировоззренческих, исторических и биографических факторов.

Личный вклад Л.И. Ждановой в разрабатываемую проблематику состоит в разыскании и комментировании документов из российских архивов, так или иначе касающихся Джона Стейнбека; в выявлении и анализе массива публикаций, посвященных Стейнбеку в советской прессе на протяжении трех десятилетий, с появления его на нашем горизонте в 1939 и до смерти писателя в 1968 г.; в оценках работ советских американистов этого периода, занимавшихся творчеством Стейнбека. Все это проливает дополнительный свет не только на механизмы работы партии в сфере литературы, но и на творческую личность Стейнбека, американского патриота, искренне болевшего за свою страну и одно время искавшего путей ее улучшения с учетом советского опыта.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья по следующим пунктам: п.1. Роль литературы в формировании облика художественной культуры народов стран зарубежья, в определении путей их общественно-духовного развития; п.3. Проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений; п.5. Уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров зарубежной литературы прошлого и современности; особенности поэтики их произведений, творческой эволюции; п.6. Взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, их контактные и генетические связи; п.7.

Зарубежный литературный процесс в оценке иноязычного и отечественного литературоведения и критики.

Материалом исследования в диссертации являются разнообразные архивные документы; рецензии, статьи и заметки в советской прессе о Стейнбеке; его художественные произведения и путевая проза («Русский дневник»); пьесы советских авторов на основе повести «Луна зашла» – то есть широкий круг текстов, свидетельствующий о резких колебаниях в отношении к Стейнбеку в СССР и о его собственном понимании писательской миссии в культурных взаимосвязях между американским и советским народом.

Цель и задачи исследования точно и исчерпывающе формулируются на с. 8. Здесь определяются две стороны воспроизводимого в диссертации трудного диалога: это Джон Стейнбек, взятый преимущественно в плане его личных и литературных контактов со страной Советов, контактов, которые формировали эволюцию его отношения к коммунистической России; и вторая сторона диалога – организации и периодические издания, научные публикации, задававшие официальную рецепцию творчества Стейнбека в СССР.

Соответственно в качестве **объекта исследования** введение определяет «совокупность произведений Стейнбека, в том или ином виде содержащих его оценку СССР, а также совокупность документальной, литературно-критической, публицистической и мемуарной литературы, созданной в СССР и посвященной жизни и творчеству американского писателя (1939 – 1968)» (с. 9). **Предметом исследования** становятся «непосредственные контакты и взаимная рецепция ... Стейнбека и советских литературных институций» (с. 9).

Теоретико-методологическая база исследования – прежде всего историко-литературный подход, примененный для задач выявления двух совокупностей текстов, представляющих стейнбековский и советский голоса в разворачивающемся на страницах диссертации диалоге. Предсказуемо, что даже когда советская критика превозносит Стейнбека, при ближайшем рассмотрении ее похвалы обнаруживают глубинное непонимание, навязывание текстам Стейнбека советской мерки в несравненно большей степени, чем это обычно случается при литературных контактах. Эта степень искажения, как показывает диссертация, является результатом диктата идеологии в рецепции творчества западных писателей в СССР. И тут Л.И. Жданова прибегает к историко-функциональному подходу, позволяющему выявить конкретную обусловленность тех или иных позиций отдельных голосов, звучащих в диалоге. Стейнбека то восхваляли как антиамериканского писателя, друга СССР, то обличали «перо на службе Пентагона, на службе Уолл-стрит», но и в том, и в другом случае толковали Стейнбека исключительно на свой лад, продиктованный внешне- и внутрисполитической повесткой СССР 1930-60-х гг.

Диссертация Л.И. Ждановой показывает не только живой интерес Стейнбека к советскому народу и его неприятие советской бюрократической верхушки, не только мощь и слаженность советской пропагандистской машины на всех уровнях, вплоть до искренних, никем не заказанных «открытых писем», осуждающих Стейнбека, написанных малоизвестными советскими писателями по зову сердца. По мере чтения работы крепнет впечатление, что, даже при личных симпатиях и внешне дружеском тоне, участники рассматриваемого литературного диалога разговаривают на разных языках и каждое их высказывание порождает новый виток взаимонепонимания, порожденных этим взаимонепониманием претензий и обид. В конечном счете, речь идет не только об идеологическом противостоянии, но о столкновении несовместимых систем ценностей.

Соискательница показывает долговременный интерес Стейнбека к СССР на фоне нюансов эпохи. Случай Стейнбека не уникален – в «предатели» у нас записывали всех тех западных писателей, кто отплачивал за щедрое гостеприимство ВОКС правдивыми рассказами об увиденном в СССР, начиная с Андре Жида. Аналогичный стейнбековскому путь от очарования в СССР как в модели светлого будущего для всего человечества до жесткой критики советского тоталитаризма прошли, например, Дорис Лессинг в Англии, Генрих Бёлль в Германии. Однако перед нами первое диссертационное исследование, где подобный пример разбирается всесторонне, в чем и состоит основная **научная ценность** диссертации Л.И. Ждановой.

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке проблем взаимодействия литературы как общественного института с политикой и идеологией, в установлении принципов отношения к западным писателям в СССР и методов формирования их образов в общественном сознании. Исходя из этих критериев, становится возможна «альтернативная» периодизация творческой эволюции Стейнбека, основанная не на внутренней логике развития его пожизненной борьбы за место в первом эшелоне американского романа, а на относительно второстепенном для него факторе – на том, как складывались его отношения с далекой Россией. Однако в общей картине литературных взаимодействий XX в. предложенная периодизация, как представляется, обладает научным потенциалом.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее материалов в вузовском преподавании курсов по зарубежной литературе, а также в изучении механизмов советской идеологии и литературы, межнациональных литературных контактов.

Структура работы определяется выделением хронологических этапов рецепции творчества Стейнбека в СССР.

Введение содержит общую постановку проблемы, критический обзор, характеристику материалов исследования, формулировку целей и задач. Работы отечественных литературоведов о Стейнбеке представлены наиболее полно, поскольку многие из них станут непосредственным материалом

исследования. Из предшественников в разработке темы Л.И. Жданова признает наиболее важными цикл радиопередач Владимира Тольца «Три дневника. По маршруту Стейнбека полвека спустя» (радио «Свобода», 1997) и Марины Валерьевны Коватевой «Путешествие Дж. Стейнбека в СССР 1947 г.» (2004), где впервые были выявлены ключевые материалы советских архивов о Стейнбеке. В том, что касается общих работ по проблеме взаимодействия советской власти и иностранных писателей, то все их названия даны по-русски без сносок в тексте, что ведет к некоторой путанице. Обратившись к библиографии, можно увидеть, что, например, известный труд Пола Холландера в ней присутствует только в русском переводе 2001 г., тогда как «Политические пилигримы» увидели свет в 1981 г.; ошибка вкралась в год издания у нас книги Майкла Дэвида-Фокса (2015, а не 2012). Отсутствуют расценивающийся наряду с Холландером труд Дэвида Кота (*Caute David. The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism. Princeton, 1988*) и книга общего предшественника Холландера и Кота, первопроходца в этой области, автора термина «культурная дипломатия» Фредерика Баргхорна (*Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960*). Конечно, все это работы из сферы политико-культурной истории XX в., а не по истории литературы, и в англоязычной гуманитарной литературе эта проблематика представлена очень разнообразно, но я указываю только на самые широко цитируемые труды по проблеме. В целом открываемые подобными монографиями горизонты могли бы быть более активно задействованы в работе.

Первая глава диссертации «Стейнбек в СССР (1939-1945): триумф «Гроздьев гнева» и складывание литературной репутации в СССР» состоит из трех разделов. В первом кратко освещаются левые интересы Стейнбека в тридцатые годы, как их подчеркивали советские литературоведы, его слабо документированный визит в СССР 1937 г., первые упоминания о Стейнбеке в советской прессе. Стейнбек попадает в поле зрения советских критиков в 1939 г., чуть раньше, чем на родине выходит его роман «Гроздьев гнева»; чрезвычайно любопытно, что редактор «Интернациональной литературы» Т.Ф. Рокотов посылает ему письмо-анкету о перспективах развития литературных связей между СССР и США буквально за 2 недели до появления романа в Америке, тогда как другими адресатами являются маститые Т. Драйзер, Ш. Андерсон, Э. Колдуэлл. Включение Стейнбека в список обязательных рассылок журнала и Иностранной комиссии СП 4 месяца спустя говорит о том, что в нем начинают видеть «друга СССР». Глава подробно излагает историю печатания «Гроздьев гнева» в СССР и восторженной рецепции советской критики, увидевшей в романе американскую параллель роману Горького «Мать», хотя, конечно, «Тому Джоуду далеко до Павла как революционера» (рецензия А. Платонова под псевдонимом «Ф. Человеков»). Стейнбек как «буревестник американской революции» – это с точки зрения советской критики чрезвычайно лестная

оценка, но насколько же она далека от американских интерпретаций классического романа. Л.И. Жданова удачно формулирует, что «Гроздь гнева» навсегда привязали к себе личность Стейнбека, «который отныне и до самой смерти стал восприниматься как «певец “Гроздьев гнева”»» (с. 26). В разделе о «Гроздях гнева» любопытны разного рода подробности, говорящие об усилиях советской стороны быть любезной с писателем (например, когда за 250-тысячный тираж Стейнбеку выплачивают, в порядке исключения, общий гонорар в 126 долларов).

Наиболее привычен для историко-литературного исследования раздел о советских инсценировках антивоенной повести Стейнбека «Луна зашла». Здесь с помощью анализа текстов соискательница обнажает разницу между морально-философским замыслом Стейнбека и утилитарной трактовкой повести в Советском Союзе, между представлениями двух культур об авторском праве и интеллектуальной собственности. Последняя особенно ярко проявляется в параграфе об инсценировке И.Л. Прута «Господин мэр» (1948), превратившей повесть Стейнбека из орудия антифашистской в орудие антиамериканской пропаганды.

Вопрос по терминологии: какое значение вкладывается в понятие «препринт», вынесенное в заголовки двух подразделов этой главы, разделов, где речь идет о первой информации о произведениях Стейнбека, ставшей доступной в СССР?

Вторая глава «Стейнбек в СССР (1945-1960) – взгляд из-за «железного занавеса»» рассматривает изменение отношения к Стейнбеку в годы «холодной войны», когда антиамериканизм стал основой советской пропаганды. Л.И. Жданова показывает, что тенденция к развенчанию Стейнбека как деградирующего писателя была начата критическими статьями 1945-47 гг., в которых отрицались художественные достоинства новейших произведений Стейнбека, «Консервный ряд» (1945) и «Заблудившийся автобус» (1947). В центре главы – «Русский дневник» Стейнбека и Роберта Капы, в связи с которым возникает наиболее полный в диссертации, персонифицированный портрет советского идеологического аппарата: товарищи И.Д. Хмарский, С.Г. Литвинова, А.Б. Чаковский, М. Поликанов. Кто-то представлен во временной эволюции, не только отчетами 47 г., но и поздними воспоминаниями, кто-то – только обличительными публикациями; измерить степень искренности высказываемых ими взглядов невозможно, но это коллективный портрет привилегированных совслужащих, которые занимаются организацией «потемкинских деревень», расценивают интервью с писателем как меру предосторожности на случай, если по возвращении в США Стейнбек критически выскажется об СССР, и пишут о нем лихие «разоблачительные» статьи.

Л. И.Жданова приводит все существующие версии возникновения замысла «Русского дневника», события самой поездки, отчеты в органы сопровождавших Стейнбека лиц о его официальном и неофициальном общении, в котором проявилась неподатливость писателя пропагандистским

усилиям, и рассматривает рецепцию книги, которая по разным причинам оказалась одинаково неудобна и в США, и в СССР. Подготовленная реакция на «низкопробный памфлет» так и не стала достоянием советской печати, поскольку было сочтено, что предпочтительней игнорировать «Русский дневник». Единственной косвенной реакцией стала статья А.Б. Чаковского «Разоблачение клеветы», которая подробно проанализирована в работе как характерный пропагандистский трюк: перенос черт героя пьесы К. Симонова «Русский вопрос» на «лживого журналиста» Джона Стейнбека. Стейнбек, в свою очередь, игнорировал обращенные к нему открытые письма Эренбурга, Шостаковича, Пабло Неруды, в ультимативном тоне призывавшие его выступить против американских поджигателей войны. Л.И. Жданова подчеркивает, что в действительности тексты Стейнбека не содержат прямых оценок советской политики и строя, его критическое отношение к Советскому Союзу нарастало со временем, по мере расширения его советского опыта, а отношение к отдельным людям, особенно гонимым художникам-диссидентам, было очень теплым. Но этого было недостаточно. Разделы, приводящие переводные и советские реквиемы по Стейнбеку-реакционеру, воспроизводят идеологию и риторику пика советско-американского противостояния. О главном произведении Стейнбека послевоенных лет, романе «К востоку от рая», в советской критике 1950-х гг. нашлось единственное упоминание.

Наметившееся после смерти Сталина потепление в отношениях с Западом отразилось в возвращении Стейнбека в ранг «великих», что уже никак не могло отразиться на его оценке СССР с позиций защитника идеалов личной свободы и нонконформизма. Ответы на развязанную против него в советской и просоветской западной печати кампанию травли соискательница находит в эпистолярной Стейнбека, не предназначенном для печати, где, наряду с бытовыми фактами (неполучение никем из адресатов высланных Стейнбеком в СССР книг, детских теплых вещей и др.), содержится наиболее глубокое осмысление исходящего из Кремля паралича творческой и любой другой свободы.

В этой главе хотелось бы чуть более развернутого комментария к публикуемым материалам. Например, автор называет письмо Стейнбека к Стюарту Хэннону 1958 г. по поводу Нобелевской премии Б. Пастернака «пасквилем на «встроенных в систему» советских писателей, коллег Пастернака по цеху» (с. 82). Цитируемое в русском переводе письмо содержит образно-метафорические выражения, но выражают ли они реальное мнение Стейнбека о знакомых ему функционерах и номенклатурщиках от литературы (ср. эпизод, когда, устав от отговорок, в 1963 г. он добился в Киеве, чтобы ему привели Виктора Некрасова), или это именно пасквиль – осознанная злостная клевета, заведомо ложная? На следующей странице говорится, что риторически Стейнбек тем самым спустился до уровня авторов тех самых пасквилей на Пастернака. Напомним, что на собрании по исключению Пастернака из Союза советских писателей выступали Георгий

Марков, Валентин Катаев, Николай Чуковский, Мариэтта Шагинян, Вера Панова, Иван Анисимов, Александр Прокофьев, Ираклий Абашидзе – конечно, они не «стервятники от искусства», как, не называя имен, говорит Стейнбек, но все они, продолжая цитату, в той или иной степени «сами подрезали себе крылья» выступлением на том собрании. Или без комментария приводятся слова Н. Грибачева в статье в «Литературной газете» 1955 г. о том, что он не встретился со Стейнбеком во время своей американской поездки, потому что автор «Гроздьев гнева» якобы живет в Южных штатах, посещение которых иностранцами не поощряется. Напрашивается комментарий о реальном неизменном адресе Стейнбека после 1951 г. (206 East 72nd Street, New York, N.Y.), о переносе советским писателем на США представления о территориях, закрытых для иностранцев, и о роли домысла в пропаганде.

Третья глава, «Триумф, «предательство» и забвение Стейнбека в СССР (1961-1968)», представляется внутренне наиболее единой.

В 1961 г. выходит роман, признанный второй вершиной творчества Стейнбека – «Зима тревоги нашей», чей успех в СССР диссертантка объясняет его созвучностью «оттепельным настроениям». В центре главы оказываются визит новоиспеченного Нобелевского лауреата в СССР в октябре-ноябре 1963 г., поясняются нарушения принятой процедуры, на которые пошла советская сторона ради Стейнбека, описывается крах его попыток пробиться сквозь «заорганизованный энтузиазм» к подлинным советским людям и окончательное утверждение его скепсиса по отношению к советской действительности. На основе документальных свидетельств Л.И. Жданова создает стереоскопическую картину этой поездки, проходившей практически под двойным идеологическим контролем, советским и американским.

По результатам этой поездки, укрепившей советскую сторону в представлении о неподконтрольности и следовательно враждебности Стейнбека, наивной выглядела его затея пригласить от лица американского ПЕН-клуба ряд молодых советских писателей в США. Странная ошибка произошла и с его благодарственным письмом советским писателям 1964 г. Автор диссертации показывает, что в сознание нашего читателя еще какое-то время внедрялся образ Стейнбека как друга Советской страны, живого классика американского реализма, а издатели планировали переводы его произведений и даже выпуск «Избранного». Опасения закрытых документов подтвердились приездом Стейнбека к сыновьям во Вьетнам, его поддержкой политики Линдона Джонсона, «Письмами к Алисии». Стейнбек был заклеен как предатель гуманизма, милитарист, и вновь обнажилась пропасть между двумя мирами. Глава анализирует обмен открытыми письмами между Е. Евтушенко и Стейнбеком, который, правая с годами, укреплялся в американском патриотизме и приводил как главный аргумент в поддержку этой войны необходимость защиты демократического Вьетнама от Вьетнама коммунистического. Характерно, что в пересказе «Литературной

газеты» письмо-размышление Стейнбека к Евтушенко было сведено к пропагандистским штампам, извращено по сути. Приводимые в диссертации отечественные некрологи Стейнбека суровы по тону, и связывают его гражданское падение с общим упадком его таланта.

И в этой главе отдельные цитируемые пассажи из документов и интервью Стейнбека вызывают к более пространному комментированию, без которого не совсем понятно, идет ли в отдельных случаях речь об иронии со стороны Стейнбека, о его нежелании всерьез общаться с запрограммированными собеседниками, или просто о домыслах советских журналистов. Так, в отчете о посещении редакции «Известий» (приведен в Приложении) журналисты указывают писателю на его «слабые места», с чем он охотно соглашается, а потом «робеет» выйти на балкон, чтобы сфотографироваться на том же месте, где на исторической фотографии стоит великий Горький, и финал – «заметно нервничая», Стейнбек с балкона смотрит на осеннюю Москву и говорит: «Хорошо здесь у вас. Вы знаете, даже климат похож на климат моего родного штата» (Стейнбек родом из той части Калифорнии, где зима похожа на прохладное московское лето). Или интерпретация заключительного тоста Стейнбека на банкете в Тбилиси: «Прощайте! Не «до свидания!», а «Прощайте!», – который Л.И. Жданова расценивает исключительно как выражение его итогового отношения к СССР. Возможно; но с октября 1959 г. состояние здоровья писателя резко ухудшилось, до поездки в СССР он дважды подвергался госпитализации, и, по свидетельствам близких, начал готовиться к смерти, так что, возможно, это «прощайте!» – не осуждение, а здравое понимание того, что ему больше не побывать в Тбилиси. Сегодня практически забыто дело об аресте как раз во время пребывания Стейнбека в Москве профессора Фредерика Баргхорна, которое упоминается на с. 119 диссертации в связи с отчетами сопровождавших лиц, без пояснений. Это был громкий международный скандал с участием президента Кеннеди и Н.С. Хрущева, который сопровождался американскими дипломатическими демаршами. На своей пресс-конференции в посольстве США накануне отъезда Стейнбек много внимания уделил этому возмущившему его делу, и, вероятно, его реакция (см.: Посев, 22 ноября 1963) стала одной из причин резкого обрыва освещения его визита в советской прессе.

Заключение еще раз прочерчивает основные повороты в драматической истории взаимоотношений Стейнбека и СССР.

Раздел «Библиография» содержит 448 позиций; логика членения библиографии на разделы полностью отвечает задачам исследования, однако отдельные разделы кажутся избыточно наполненными, поскольку включают названия, не задействованные в основном тексте диссертации.

Все положения диссертации, вынесенные на защиту, следует признать убедительно доказанными.

Основной тест диссертационного исследования Л.И. Ждановой занимает 171 страницу, 117 страниц составляют Приложения, воспроизводящие главным образом редкие архивные материалы.

К оформлению диссертации почти не могут быть предъявлены претензии, разве что вкрались ошибки в имена собственные – литературоведа Ван Вик Брукса, президента Линдона Б. Джонсона, но это, скорее всего, досадные недосмотры. Работа производит впечатление профессионально выполненного исследования, автору которого хватает материала и уверенности, чтобы в чем-то отойти от стандарта диссертационного исследования ради более полного раскрытия своей интереснейшей темы.

Автореферат и представленные публикации, опубликованные по теме диссертации, отражают основные положения диссертации.

Исходя из вышесказанного, диссертационное исследование **Ждановой Л.И. «Писатель Джон Стейнбек и СССР»** отвечает критериям, указанным в пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842.

Лия Искандеровна Жданова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Института филологии и журналистики
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»,
доктор филологических наук
профессор

Кабанова Ирина Валерьевна Кабанова

Почтовый адрес: ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный университет имени Н.Г.
Чернышевского»,
ул. Астраханская 83, Саратов 410012

Тел.: 8-8452-210637

Электр. почта: ivk77@hotmail.com

Кабанова Ирина Валерьевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФБГОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Адрес: г. Саратов, ул. Некрасова 19, кв. 36, 410002

E-mail: ivk77@hotmail.com

Тел.: 8452-210637

Публикации:

1. Сила литературы и идеология // Изв. Саратовского университета. Новая серия. Филология. Т.3, вып. 1. Саратов, 2003. С.102-108.
2. Идеология и способы выражения авторской позиции в английской эссеистике 1930-х годов // Цензура как социокультурный феномен. – Саратов: изд-во «Новый ветер», 2007. С. 112-128.
3. Типология властных отношений и теория сатиры: к постановке проблемы // Феноменология власти в сатире. Коллективная монография. Научная редакция В.В. Прозоров, И.В. Кабанова. Саратов, изд. центр «Наука», 2008, 258 с.
4. «Американская исключительность» вчера и сегодня // Американская литература в контексте мировой культуры. Иваново, 2012. С.12-28.
5. «Великий перелом» Мориса Хиндуса и западная литература о Советской России рубежа 1920-1930-х годов // Эпоха «великого перелома» в истории культуры. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2015. С. 36-43.